
Для всех тех,
кто потерял себя
и ищет дорогу
Путь
к себе
М. Блюмейн

Маргарита Блюмейн

Путь к себе. Сборник психологических рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71221399
SelfPub; 2024

Аннотация

Вокруг нас столько людей. Сколько из них потеряны? Заплутали в рутине, усталости, погрязли в проблемах? Может даже, и вам это знакомо. Знаете ли вы, что с этим делать?

Герои историй, прячущихся под обложкой, тоже не знали. Но что-то их вынудило узнать – друг, стечение обстоятельств, пришелец. На что вселенная не пойдет, чтобы дать подсказку.

А вы сможете с их помощью найти свой путь? Путь к себе?

Содержание

Снова первый контакт 4
Три капли страха 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Маргарита Блюмейн
Путь к себе. Сборник психологических рассказов

Снова первый контакт

Трава шелестела под ногами и лапами. Федя угрюмо следовал за Псом, который, напротив, был рад гулять вприпрыжку среди полевых цветов. В отличие от Феди, Псу не приходилось иметь дело ни с вечно пререкающимся сыном, ни с зубодробительным творческим кризисом. Муза Феди не просто ушла, а развелась с ним, швырнула кольцо в лицо и утопилась. Федя вздохнул так тяжело, что мог бы затянуть в легкие всю деревню. Он-то думал, что свежий воздух, возвращение в детство и строгий режим помогут, но нет: старые рисунки голубокожего воображаемого друга по имени Денис вызвали разве что ностальгию, подростки по ночам носились, чуть ли не сшибая Фелю с ног, овчарка после города сошла с ума от природы, а Веня заодно с четвероногим товарищем просто отбился от рук. Притащил с собой гитару и бренчит на ней. Вот же ж маленький…

Аргх!

Федя остановился и посмотрел вдаль. Темная лента реки

разрезала два берега. Над склонившейся ивой искрами витали светлячки. Воздух был такой чистый, что, казалось, ты вдыхаешь даже небо и звезды. Круглый диск луны висел на невидимой ниточке. Несмотря на поздний час, небо только начинало синеть.

Пес присел в кусты. В городе Федя выгуливал его с целлофановыми пакетиками, но тут можно было все свалить на корову.

– М-м-м-му-у-у, – пасшаяся рядом Буренка недовольно промычала, словно прочитала его мысли. Непонятно, что вызывало у нее большее осуждение – подстава или то, что Федя до сих пор не нарисовал ни одного наброска. Мужчина потянул разошедшуюся собаку дальше. Ему хотелось прогуляться в лесу, развеяться после очередной ссоры.

Утоптанная земля смягчала шаг. Федя много о чем размышлял под покровом ночи – в основном, о работе. Когда тебе двадцать, ты можешь позволить себе ждать вдохновения и ошибаться. А в сорок, когда у тебя ребенок, собака и квартира в ипотеку, ты уже не можешь позволить себе ждать. Нужно находить что-то постабильнее приходящего и уходящего вдохновения.

И хотя Федины комиксы пользовались популярностью (в его возрасте это означало, что они приносили деньги), сейчас ему хотелось сделать что-то более… осмысленное, что ли. Что-то глубокое, но понятное; что-то, оставляющее послевкусие; о чем хочется думать, что вызовет мурашки и

ощущение открытия. И Федя искал это «что-то» месяцами. Все мало-мальски интересные идеи кончались тупиками. Бесконечные мыслительные процессы оказывались настолько бесцельными, что художник готов был биться головой об стену.

Как будто творческого кризиса было мало, так еще одним тяжелым валуном сверху его придавили закидоны мальчишки. Понятно, что возраст – ни от кого не требуют разумности в пятнадцать лет (хотя многие и раньше разумеют!). Но какой он упрямец! Собирается поступать в музыкальное училище после девятого класса. У Феди от одной мысли волосы дыбом вставали. Ладно еще рисование, куда ни шло, все-таки востребованная ниша, но музыка… Как любому родителю, Феде хотелось для сына лучшего, даже если это лучшее приходилось своими руками вбивать в его упертую голову.

Неутомимый Пес тянул Федю, погруженного в совершенно мрачные мысли, все глубже в лес. Деревья, тенью стоявшие то тут, то там, вдруг расступились. Федя отвлекся от самокопания и осмотрел опушку. Из ствола мертвого дерева с измученными кривыми ветками торчали прибитые гвоздями деревяшки – жуть, если вдуматься, дерево в дерево. А выше виднелся нескладно и наспех сколоченный домик, вокруг которого все вились светлячки. Федя улыбнулся. Он уже и забыл, как обожал в детстве карабкаться по дереву, забираться в убежище и прятаться там ото всех. Крыша не спасала ни от дождя, ни от ветра, но бурное воображение

уносило Феденьку в шторм на пиратский корабль, где он – одноглазый капитан – и его верный попугай – пойманный голубь – боролись со стихией.

– Вот же времена были, – хмыкнул Федя.

– Раф! Раф-раф! Гр-р-р, – Пес вдруг разошелся. Прижал уши к макушке и ощерился, поднимая брыли. И какой слепень его укусил? Из-за дерева вынырнула тень. Если приглядеться, это была даже не тень, а словно кусок ночного неба – синий, в светящихся крапинках. Существо в высоту достигало два метра с лишним и было выше Феди на голову. Он отшатнулся, подтягивая к себе за поводок разъяренного пса.

-натрог- ##ku ગોઈ હોનારાઓમ, – существо издало глубокие ные звуки, шипящие на губах, сделало шаг вперед и коснулось Пса. Питомец тут же спокойно сел, свесив тряпочку языка, и с умилением уставился на, по-видимому, лучшего кинолога в мире.

Федя делал шаги назад, не дыша, пока Пес, наоборот, совершенно не планировал никуда идти. Все это казалось абсурдной галлюцинацией, бредовым сном. Но существо своим видом щекотало память, бередило воспоминания, мельтещащие под пеленой лет, и только этот зуд ностальгии не давал мужчине сорваться на громкий бег. Да, бежать и вопить, как девчонка.

– ઉે ક્ષો ધુપ્રાણે ૭ામહોડ, – прокурлыколо существо. От его бока отделилась полоска и потянулась к Феде. Тот лишь испуганно помотал головой. Создание замерло, дернулось,

пошло рябью и снова замерло.

– Прошу прощения, старый друг, – зашелестело оно, как если бы листья на ветру научились говорить. – Кажется, стоит обновить слияние аурами.

– Друг? Что? Кто ты? Или что? – Феде уже не хотелось бежать. Кусочек космоса излучал спокойствие, как буддист или какой-то йог, преисполнившийся в познании.

– Ты уже лучше произносишь звуки, чем в нашу последнюю встречу.

Пес довольно сидел между говорящими и мел хвостом по земле.

– Я… не понимаю… простите, – последнее Федя добавил уже как будто для себя.

– Бхата́низ… – пробормотал Федя. Одно слово разнесло вдребезги забытье тридцати лет. – Так ты не был воображаемым!– Ответ мой Вселенной – Б'ъха'та́ниих. На зов этот тебе я отвечу.

Он начинал вспоминать. Кусочки детских воспоминаний медленно стягивались друг с другом, как нитки, что снова сшивались в рубашку. Конечно! Он всегда рисовал его голубокожим, потому что у него не было синих карандашей. И казался тот огромным, как двухэтажный дом, потому что тогда, в десять лет, все в мире казалось выше. И «Бхатаниз» в какой-то момент превратился в упрощенного «Дениса». После одной-единственной встречи многие воспоминания исказились. Федя медленно, но верно припоминал: в тот

весенний вечер было светлее, и создание, прибывшее из далекой части вселенной для… Эта часть воспоминания оставалась неразборчивой. А Бхатаниз не изменился. И тридцать лет назад он выглядел как кусок космических 3D обоев, заключенный в силуэт человека, только с губами, носом и пятью глазами, аркой выстроенных на лице. Каждый глаз – разного цвета, и каждый видел разное. Наверно.

– Почему ты такого цвета? – вопрос сорвался с Федиого языка чуть ли не с той же наивной детской интонацией.

– Я частица вселенной. Я отражение ее.

– А ты… ну… ешь, спишь?

– Мои потребности други, Фьёедор.

Мужчину передернуло от того, насколько странно, как-то по-норвежски прозвучало его имя.

– Они отличаются от ваших, человеческих. И все же, в каком-то смысле, мне они так же необходимы.

– И какие они?

– Наблюдать за движением звезд, чтобы глаза не переставали видеть; прислушиваться к ветру, чтобы уши не переставали слышать; общаться, чтобы аура не забывала прикосновений.

– Ты это делаешь все время?

– Иногда да, иногда другое.

– А где же есть ветер и общение? На других планетах? Мы не единственная разумная раса?!

– Почему бы ей быть единственной?

– Тогда, – Федя лихорадочно делал выводы, на которые теперь хватало и знаний, и мозгов, – какие же другие планеты? Другие создания?! Как они живут? Похожи ли они на нас? Что, и на Марсе живут? Много во вселенной других… видов? Какие они?

– Не менее любопытные и между тем ожидающие вас в свое время, – пришелец, покачиваясь, повернулся к развалившемуся в траве Псу. – Вижу, ты передумал.

– О чем ты? – спросил Федя, привязывая Пса к дереву.

– Путешественник-одиночка – так ты себя назвал.

Точно! Ведь в тот день Федя хотел уйти из дома. Он взял пару бутербродов, потрепанную книжку «Приключений Тома Сойера» и направился в лес. Думал жить один в домике, потому что никто его не понимал. А теперь… все так по-другому. И хоть он снова сбежал, но в этот раз ненадолго. Хотя, и тот не продлился дольше пары часов.

– Точно… Бхатаниз, а каково там? – язык непроизвольно повторил тот же вопрос, что он задавал и в десять лет. Помнится, ответ был смутным. Что-то про корабли и одиночество.

– Так же, как и тут, и совершенно по-другому. Будь у меня корабль, я добрался бы до другого края Вселенной. Но я предпочитаю ходить пешком. Тогда можно больше видеть. Во всех смыслах больше. Ты выбираешь, в какую плоскость податься, где быть одному. Как быть одному и вместе с тем единым со Вселенной. Вы одиноки вместе с ней заодно.

Федя помнил что-то такое. В детстве он спрашивал про эти инопланетные корабли, какие они? Как у пиратов? Но сейчас хотелось задать другой вопрос.

– Разве это одиночество, если вы заодно?

– Всё одиночество, когда ты утратил контакт с собой. Среди звезд в величии Пустоты остаешься для тебя только ты.

– Разве у тебя нет сородичей? Ну, таких, как ты?

– Есть. Одного хватит, чтобы понять всех.

– Ну как это. Все же слишком разные. Я по людям сужу, но пришельцы, наверно, тоже индивидуальны? Так вот, встретится тебе злобный гопник, такой, с ножичком и харкающий на асфальт, и не станешь же ты думать, что мы все такие?

– Нет. Я буду знать, что вашему виду нужна помощь, и для этого хватит одного человека.

– Ну, а если это будет какой-нибудь богатющий щедрый филантроп, раздающий бабки направо и налево на все благотворительности?

– Один человек может влиять на мир. И каждый скажет о мире что-то новое. А весь мир не изучишь.

– Даже не знаю, – Федя забрался на пол домика, задумавшись, что бы можно было сказать о мире по нему. Доски под ним закряхтели и прогнулись. Что мир запутался? Что все мы хотим лучшего для своих детей, но часто слишком сильно ошибаемся из-за страха?

– Слушай, Бхатаниз, – Федя свесил ноги, пока тень бродила под деревом.

– Да, Фьёедор?

– В чем смысл жизни?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Не знаю. Когда мы в прошлый раз виделись, ты мне сказал делать то, что я люблю, и прислушиваться к себе. Я стал художником. А теперь… не знаю, может, я сделал что-то неправильно.

– Наверняка.

– А что?

– Кто знает? Что-то. Сложно жить, не делая ничего неправильного.

– О. И какой тогда смысл жизни?

– Смысл?

Федя уже приготовился к пронзительной и захватывающей мудрости из недр неизведанного мироздания.

– Не знаю.

Мужчина опешил.

– Как? Ты не знаешь?! Ты же эта, как там, «частица Вселенной»!

– Разве ты не такая же частица вселенной, как я?

– Ты буквально выглядишь, как кусок космоса.

– Я не обладаю всеми ответами, Фьёедор. Я знаю больше тебя, но не все. Владею опытом, который тебе никогда не доведется получить. Это делает меня существом другим, как и любого человека вокруг тебя, но не всезнающим.

– Оу, – Федя болтал ногами, постукивая пятками по ссох-

шейся коре, – тогда может… поделишься опытом?

Тень вынырнула из-под ветки. Белые мерцающие искры переливались по ее телу.

– Любишь ты избегать своей жизни. Я не скажу ничего такого, что тебе пригодится, ничего такого, что ты не познаешь сам, и ничего такого, что ты не сможешь прочитать в историях про вымышленные миры.

– Но они же вымышленные! – не унимался Федя. – А ты нет! Мы же поэтому и изучаем космос, чтобы все знать.

– Все знать нельзя, чуть больше знать – несущественно.

– Сказал бы ты это в Средневековье, – буркнул Федя.

– Не знать можно, не любить – нельзя.

– Скажешь тоже! Они всех подряд сжигали из-за незнания. А чума? А болезни? Или это тоже любовью лечится?

Пришелец бесшумно скользил по земле.

– Очень много «если», не находишь? Я знаю то, что изучал, знания не мои – лишь доля реального прошлого. Я прожил жизнь в изучении звезд, планет и развития.

– Развития чего?

– Живого.

– Поэтому ты здесь?

– Да. Разве ты не помнишь? – Бхатаниз склонился у корней деревьев, наконец что-то нащупав.

– Не помню чего? – Федя спустился и присел рядом с пришельцем. В согнутом положении он напоминал космическую тучку. Ну, или запятую, но очень кривенькую.

– Как мы посадили «художника».

Синие руки стали выгребать землю из-под корней. Удивительным образом сухая, потрескавшаяся земля мягко ложилась пригоршнями в руки к Бхатанизу. На поверхность показался черный корень. Инопланетянин тянул за него, пока не нашел, что, кажется, искал.

– Сажая семя, ты назвал его «художником». Он пророс.

Из земли показался зеленый росток, испускавший холодное свечение. Стебелек цеплялся за корень дерева.

– Такие разные. И, между тем, дают друг другу жизнь.

На конце ростка виднелось что-то вроде золотистой шишки. Федя не очень разбирался и в земной ботанике, не то что в космической.

– Что это?

– Следствие. Любое семя прорастает в то, что ему суждено.

– То есть я должен был стать художником с самого начала?! – поразился Федя.

– Вовсе нет. Ты посадил семя своей любви. Семя ненависти в любовь не вырастет.

– Кажется, понимаю. Я и правда люблю свое дело. Но знаешь, так сложно стало в последнее время… семья, работа, еще и фанаты требуют продолжения. Да что фанаты, издательство тоже. А мне хочется… чего-то другого, но и прежнего одновременно!

– Окажи честь, – Бхатаниз перевернул росток, и Федя уви-

дел темный лист. Он свернулся в сухую трубочку и не излучал свечение. Федя аккуратно взял мертвую пластину, и та сразу оказалась в его руке, как будто ни за что и не держалась.

– Теперь вырастет что-то другое, но и прежнее одновременно.

– Мне уже начинает казаться, что ты смеешься надо мной, – фыркнул Федя.

– Вовсе нет, Фьёедор. Возвращаю услугу.

– Да? Какую?

– Когда мы сажали семя, я не знал, куда его посадить.

Мужчина вспомнил. Наконец то воспоминание, как росток, вырвалось из тьмы на свет, и теперь было таким ярким, что Федя не понимал, как мог про него забыть.

Бхатаниз, казавшийся тогда гигантом, метался между корней, то прикладывая, то отнимая руки с крошечным золотистым семечком. Мальчишка, ковыряя носком ботинка землю, спросил:

«Что ты делаешь?»

«Ищу пристанище для семени».

«Почему его не посадить в любое место?»

«Оно может оказаться непригодно».

«Как ты это узнаешь?»

«Никак».

«А какое пхиг… пхиговно?»

«Полагаю, и этого не узнать. Остается верить в силу семе-

ни».

«Тогда подойдет любое место?»

«О! Я знаю! Пусть будет «художником». Я вот тоже хочу стать художником, но мама говохит, что это глупости, а не хабота. Уж лучше тогда буду пихатом!»«Верно. Как бы ты назвал это семя?»

«Поэтому ты ушел?»

«Да!»

«Художнику все равно, где расти. Он везде вырастет в художника, если в него верить».

«Батанис?»

«Да, друг мой?»

«Ты будешь в меня вехить?»

«Всем собой, Фьёдор».

Повзрослевший Федя стоял и смотрел на пришельца. Всем время от времени бывает нужно немного веры.

– Что ты будешь делать с ростком?

– Ему пора менять пристанище, чтобы питаться новым.

– Да, ростку это точно нужно. И еще немного веры, – улыбнулся Федя. Впервые за долгое время.

– У него есть вся моя вера. И вся твоя, Фьёедор.

– Раф! – Псу непременно захотелось приложить свою.

– В прошлый раз ты посадил семя, сейчас забрал. Значит, тебе уже пора.

Бхатаниз поклонился.

– Был рад повидаться, старый друг.

Федя почему-то тоже поклонился. Внезапно словно энергия вокруг него изменилась, захлестнула запахами свежего горячего хлеба и молока из детства, теплом, тем ностальгическим, что чувствуешь, только вспоминая детство.

– Я словно обнял себя-ребенка, – пробормотал Федя, через эти ощущения вспоминая свои детские страхи и обиды.

– Мое тело держит ауру того тебя.

– Я немного почувствовал себя… как будто, – мужчина ощутил себя на берегу моря, обдуваемого холодным соленым ветром и глядящего на дальние яркие звезды, – как будто не здесь, но и здесь одновременно.

– Полагаю, это уже моя аура, – пришелец держал росток и стоял неподвижно, и Федя готов был поклясться, что Бхатаниз улыбнулся. Светало, и Федя мог наконец разглядеть друга детства. Космос, закованный в тонкую серебристую оболочку; глаза, обрамленные стальными ресницами; а губы – как из рекламы помады. Странное, совершенно безумное и все же родное существо.

– Был рад снова коснуться аурами, – Бхатаниз закрыл глаза. – Еще рано говорить «прощай», уже пора сказать «до встречи».

Первый солнечный луч пронзил инопланетянина, разбив цельную оболочку, и он растаял. Росток до последнего парил в воздухе и исчез, стоило Феде моргнуть.

Отвязав Пса, все еще довольно подглядывающего на хозяина, мужчина направился к дому. Он снова много о чем ду-

мал, в основном о космосе, растениях и домиках на дереве.

Подходя к своему участку, Федя внезапно столкнулся с Веней. Конопатый мальчишка в майке и шортах посмотрел на отца из-под козырька кепки.

– Буду поздно, – буркнул он и прошел мимо отца.

– Вень, – тихо, совсем как Бхатаниз, прошелестел Федя.

– Ну что?!

– Поступай в музыкалку.

– Ч…чего? Ты сейчас серьезно?

– Да. Посаженное семя нужно помогать взращивать, а не закрывать от всего.

– Правда?! Спасибо, па! – парень бросился на него с объятиями. Давно они не обнимались. – Но буду все равно поздно! Пока!

Хмыкнув, Федя затворил калитку и отпустил Пса бегать в саду. А сам сел на скрипнувшие диван-качели. Подушки защищали тело от неприятного холода металла. Федя бросил взгляд на соседнее место. Там лежал брошенный скетчбук с карандашом – каждый день Федя сидел тут в ожидании вдохновения, но оно все не шло. Сейчас же бумага сама просилась в руки.

Чистая страница. Наточенный карандаш. Раз взмах, два штрих. На Федю смотрели большеглазый мальчик и стоящая за ним тень в россыпи звезд. Он хмыкнул.

– Рад снова тебя видеть, Бхатаниз.

Три капли страха

Коли́на стояла напротив невысокого серого здания с квадратными окошками. Странным было видеть новую, современную и светящуюся вывеску на стареньком бетонном здании. Но сколько девушка его не рассматривала, больше ничего странного не обнаруживалось. Или она просто чего-то не понимала.

«Может, Денис окончательно головой поехал?» – подумала Колина. По десятилетней дружбе Денис Кособоков шепотом рассказал девушке про волшебный банк. Шепотом – чтобы не сочли за психа окружающие, а вот на счет дружбы Колина уже сомневалась. Если это розыгрыш – ходить Кособокову с косым боком от ее тумаков. Но девушка была в отчаянии, и… Если этот банк выдает кредиты кому угодно, а проценты берет не деньгами – почему бы и нет?

Стеклянные двери беззвучно открылись. Голова с короткой стрижкой неуверенно просунулась в проем, благоразумно оставив тело в безопасности на улице. В тихом помещении едва слышно играла спокойная музыка, за четырьмя столиками сидели мужчины в костюмах. Все, как один, совершенно серьезные. Толстый бородач заполнял документы, гладковыбритый мужчина с квадратным лицом насупился, кликая мышкой и уставившись в компьютер. По центру своеобразной буквы «П» стояло два стола, за одним молодой

парнишка общался с клиентом, а за другим седовласый мужчина выжидательно смотрел на Колину, словно заранее знал о ее приходе, и сейчас поджидал девушку, словно хищник в засаде. Сжав лямку рюкзака, Колина направилась к свободному работнику.

Пока Колина скользила по до блеска натертым квадратным плиткам пола, до нее донесся разговор бабушки за соседним столом.

– Милок, что ж ты заставляешь бабулю делать за какие-то тридцать тыщ грошей?

Юноша с вытянутым лицом нервно гладил свою белобрысую козлиную бородку. Казалось, что он вот-вот ее выдерет.

– Антонина Петровна, вы уже в третий раз приходите, и каждый раз жалуетесь! У нас и так самые щадящие условия для вас, честное слово!

– Женечка, я уже в возрасте, мне нельзя перенапрягаться.

– Вы берете деньги на горнолыжную школу, Антонина Петровна! – Женечка чуть ли не плакал. – А мы просим только в библиотеке вложить нужные бумаги в определенные книги. Я никак в толк не возьму, какие с этим могут возникнуть сложности?!

Колина отвлеклась от несчастного операциониста и перевела взгляд на Федотова Егора Львовича – так гласила плашка на столике. Мужчине на вид было далеко за шестьдесят, судя по седине, глубоким морщинам и пигментным пятнам на коже, но яркие голубые глаза оставались живыми и на-

смешливыми. Они буравил серые глаза Колины, прикрытые, как одеялом, уставшими веками.

– Здравствуйте. Меня зовут Егор Львович. Я представляю банк «Эфирные кредиты». Чем могу быть вам полезен?

– Здравствуйте. Очень приятно, Колина. Меня интересует кредит в пятьдесят тысяч.

Егор Львович сплел пальцы в замок, на безымянном блеснул черный камень в перстне.

– Могу я поинтересоваться, для чего вам эта сумма?

Колина глубоко вдохнула. Она оказалась в непростой финансовой ситуации, которую любой назвал бы пустяковой, зная, сколько зарабатывает ее отец. У владельца частной охранной компании уж точно найдется пятьдесят тысяч! И они есть. Но не на учебу Колины. Серьезному мужчине, бывшему военному, сложно понять смысл дизайнерского образования. Как и трем старшим братьям. Но девушку воспитывали в требовательности к себе и целеустремленности, поэтому деньги она хотела найти сама. Стипендии и гонораров за небольшие проекты было бы достаточно, чтобы понемногу гасить задолженности, но не чтобы собрать большую сумму разом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.